

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ: ПУТЬ К РЕАЛЬНОСТИ

Религиоведение как особая гуманитарная наука, инициированная Максом Мюллером в 1870 году, планировалась как сравнительное изучение различных религий мира по типу сравнительного языкознания. Полвеком ранее Г. Гегель ввел в оборот термин «философия религии», собственно, для тех же целей. По Гегелю, все религии представляют собой некую мозаику одной мировой религии, сверкающей различными гранями в разных конфессиях. Для Гегеля народ и его религия едины с точки зрения поступательного развития духа. Так, например, Древняя Греция с ее эллинским населением и героической мифологией есть выражение «прекрасной индивидуальности» объективного духа. В своей философии религии Гегель, собственно, тем и занят, что подыскивает определения и эпитеты религий на этноисторической карте мира. Какая-либо другая «философия религии» в гегелевских трудах отсутствует.

В рамках советского «научного атеизма», а позднее «религиоведения» религия стала трактоваться как «вера в сверхъестественное», причем вера выступала антагонистом знания. Такая трактовка позволяла «развести мосты» между религией и наукой и, соответственно, закрепить образование полностью за наукой. Однако философия религии при подобном определении религии сразу теряла весь смысл, уступая место психологии религии с ее терминологией самовнушения, суггестии, психоза, комплексов неполноценности. Религия превращалась в якобы философском измерении в некий «коллективный невроз» (З. Фрейд) или в лучшем случае «невроз здоровья» (Ф. Ницше).

Отправная точка новой «философии религии», о чем далее пойдет речь, должна определяться признанием ложности определения религии, во-первых, как «веры», во-вторых, как «веры в сверхъестественное». В религии есть знание — знание того, что не все в этом естественном мире «естественно» (физично, натуралистично, биологично, социологично). Сошлюсь в данном случае на свой личный опыт «хождения по углям» — феномен, практикуемый во многих частях света, в том числе в форме культурно-туристического шоу. Технику «хождения по углям» я, в то время заведующий кафедрой философии во вновь открывшемся университете, освоил в Сургуте в 1994 году по предложению директора одной из городских школ. Поэтому могу с уверенностью утверждать, что ногам на горящих углях реально холодно, холодно, как на дне колодца, — и этому нет никакого «естественного» объяснения (типа повышенного кровотока или потоотделения, быстрого переступания ногами и прочих наукообразных

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

выдумок). При обычном состоянии сознания на горящих углях нельзя стоять босыми ногами, а при «измененном состоянии сознания» можно, причем без всякой спешки.

Понятие «измененные состояния сознания», введенное американскими врачами в середине девятнадцатого века в связи с появлением новой науки «анестезиологии», предполагает, что есть и какое-то «неизмененное состояние сознания» (условно «нормальное», «обычное»), по отношению к которому все прочие состояния сознания выступают как «измененные» (читай «ненормальные»). У Платона, к слову сказать, для подобного рода «ненормальности сознания» существовал специальный термин «священное безумие», подвидами которого выступали любовь, поэзия и творчество («вдохновение от Аполлона»). Американские анестезиологи, при хирургических операциях применявшие внутривенное введение пациентам кокаина, под нормальным состоянием сознания предполагали такое, при котором пациенты сохраняли способность выполнять обычные механические телодвижения (например, заправлять кровать или попадать руками в рукава одежды). Цивилизация ценит «неизмененное состояние сознания» за возможность совершения точных механических телодвижений при трудовых операциях. Точная механика телодвижений лежит как в основе труда, так и в основе формальной логики (деление, разделение, объединение, классификация, анализ, синтез, дедукция, индукция). Между тем существует множество ситуаций, при которых «нормальное состояние сознания» нормальным как раз и не является. Это может быть и война, и игра, и праздник, и искусство, и творчество, и супружеские отношения.

В истории человеческой культуры существовал многотысячелетний период, когда основным методом обретения новых знаний служили именно «измененные состояния сознания». Так было и в мире первобытной культуры, и в мире первых цивилизаций Древнего Востока. Главные доказательства тому представлены в обычных трудах по истории науки. Например, в истории математики приводятся тексты египетских папирусов с методами расчета площади круга (без числа «пи») или объема усеченной пирамиды, причем при полном отсутствии доказательств и какого-либо обращения к опыту. Так в истории математики появляется замечательный с гносеологической точки зрения термин «рецептурное знание» — знание в готовом виде, вне опыта и без доказательств. Точно такая же ситуация имеет место в истории медицины: в этой области доказательства не нужны, а эксперименты невозможны. Тем не менее медицина первых цивилизаций уже обладала феноменальным объемом рецептурного знания в области фармации, хирургии, терапии, гигиены и диетологии. Не менее поразителен объем рецептурного знания в области геологии и металлургии: наивно предполагать, что «полезные ископаемые», распределенные по большой территории и неявно представленные на поверхности, были обнаружены случайно или целенаправленно за счет каких-либо экспедиций, а также опытов с нагреванием камней до необычно высоких температур. Рецептурным знанием славится и история сельского хозяйства в области domestikации растений и животных. Новыми знаниями занимались жрецы, причем без каких-либо лабораторий и академий наук, при этом знания по математике, медицине, геологии, металлургии, сельскому хозяйству в истории Древнего Востока возникали с феноменальной скоростью, причем в жестких условиях «традиционного общества». Мышление людей при этом было настолько консервативным, что без рецептурного знания некоторые цивилизации не могли изобрести даже колеса, не говоря уже об изобретении проката металла или выплавки цветного стекла.

Интересно, что в мифологии различных народов мира изобретения (технические, медицинские, математические, астрономические) никогда не связывались с обычной человеческой деятельностью, но всегда соотносились с неким понятием «культурного героя». Мифический «культурный герой» является для человека источником всех

основных знаний: «рецептурное знание» потому и является таковым, что его источником не является сам человек. Человек включается в процесс познания отнюдь «не с нуля», но только после того, как начало знаний уже положено «культурным героем», причем в готовом виде, то есть сверх его, человека, опыта и без всяких доказательств.

Миф о культурном герое, рассмотренный через призму начальной истории разных наук, оказывается не только мифом, но и формой констатации факта априорности всех исходных нововведений культуры. Именно с этого факта начинается по-настоящему научный анализ религии. В системе образования существует масса возможностей продемонстрировать факт «рецептурного знания» на примере истории многих наук, искусств и технологий. Что же касается философии, то факт априорности человеческих знаний со времен Декарта и Канта, если не с Платона и Аристотеля, не подвергается сомнению, хотя до сих пор не имеет общепринятой интерпретации. Разговоры об интуиции, бессознательном, подсознательном, эврике, озарении, инсайте, гениальности так и остаются разговорами о факте «рецептурного знания» как в прошлом, так и в современной истории наук и искусств. В человеческом обществе всегда есть гении, то есть люди, способные к рецептурному знанию поверх опыта своего времени. К предпосылкам рецептурного знания относится, например, такое понятие, как «хороший вкус», о котором сказано: «Люди с хорошим вкусом знают то, чему их не учили, а люди с плохим вкусом не знают и того, чему их учили много лет».

Дальнейший шаг в нашей философии религии связан с ответом на вопрос «как возможно рецептурное знание?». В истории культуры есть и ответ на этот вопрос. Достаточно обратиться к истории так называемых «трансовых ритуалов» в области как первобытной культуры, так и в области истории первых цивилизаций Древнего Востока (шумеры, Индия, Египет). В технике трансовых ритуалов целью является достижение состояния визионерства, которое по внешнему проявлению маркируется термином «экстаз»¹. В экстазе «человек не в себе» — он весь во внимании к некоторому видению (возможно, «с закрытыми глазами»), которое в древнегреческой терминологии обозначалось словом «тео-риа» (от «теос» — дух и «риа» в значении тока, притока). Искусство трансовых ритуалов состояло в том, чтобы при искусственно организованном обмороке не потерять ответственности за некую «про-блэму» в смысле «запроса» на срочное получение видения «сделать как» с последующим разрешением затруднительной ситуации уже в «нормальном состоянии сознания». Ритуал проводился ночью в измененном состоянии сознания, а реализация «видения» (медицинского, технического, математического, хозяйственного) осуществлялась днем и в обычном состоянии сознания. Видения хозяйственного назначения в трансовых ритуалах (сначала шаманов, затем жрецов) послужили априорной формой того, что стало называться «ведением» или «знанием», а реализация видений заложила основы внеприродного поведения человека под названием «культура» и «цивилизация». В свое время Геродот удивлялся древнеперсидскому обычаю планировать военные операции дважды: ночью в условиях обильного застолья и повторно днем на трезвую голову. Если решения совпадали, они принимались к исполнению; если не совпадали, то не принимались во внимание.

По мере развития и осмысления техники трансовых ритуалов возникло понятие «благодарения» за помощь и ее эффективность. Неведомый абстрактный податель помощи получал условное имя для выражения ему благодарности. Процедура выражения благодарности привела к своеобразной «переписке», что и представлено словом «религия». Нет и не может быть религии без помощи с одной стороны и благо-

¹ Подробнее см.: В. В. Костецкий. Человек в экстазе (опыт философского познания). Тюмень, 1996. Его же: Экстаз как феномен культуры: философский анализ «трансцендентального субъекта». Автореферат докт. дис. Тюмень, 1996.

дарности за нее с другой стороны, выраженной посредством какой-либо «переписки», то есть обмена знаками, символами, сигналами.

Примером наиболее характерной манеры «переписки» может служить греко-римская религиозность, к тому времени достаточно усеченная. Античность практиковала два вида помощи: хороший совет и хорошую судьбу (удачу). При счастливой судьбе или удаче обстоятельства складывались как бы случайно в пользу конкретного человека — так появился термин «синергия». «Эргон» означает действие человека, а приставка «син» превращает «действие» в «содействие». Хороший совет тоже много значит: усилия человека оказываются безошибочными. Во времена античной цивилизации необходимости в принципиально новых знаниях уже не было: все необходимые знания достались по наследству от Древнего Востока, — поэтому «рецептурное знание» приобретало частный характер удачи и совета. Религия античности приобрела очень простой и прагматичный характер: человек благодарил за прошлую удачу и просил совета ради удачи в будущем. Это было общепринятым. Это было обязательным. Это было успешным.

Людей, далеких от религии (и от истории науки), смешит римский обычай получать дельные советы по полету птиц. Между тем успешные римские полководцы всегда принимали судьбоносные решения с учетом птицегадателей. Дело в том, что в траекторию птицы легко вкладывать рецептурное знание в форме «да» или «нет». В полете птицы нет предзаданной траектории подобно дороге или тропе, поэтому ситуацию равнозначности «левое-правое» или «верх-низ» можно нарушить без затраты энергии за счет одной только информации (случай «бифуркации»). При вложении «рецептурного знания» в птицу та будет менять полет не совсем произвольно, а по принципу «так судьба повернула». Человеку остается только правильно задать вопрос «культурному герою» при взгляде на полет птиц, а «культурному герою» заинтересовать безмозглую птицу каким-либо предметом в нужном направлении.

Религия получает развитие не как «вера в сверхъестественное», а как развитие реальной дипломатии с абстрактным соседом. Все религиозные люди — дипломаты «*par excellence*». И эти дипломаты, как все дипломаты, «нащупывают друзей» и «прощупывают врагов», ищут союзников и занимаются вербовкой. Настоящая религия и состоит главным образом из реальной дипломатической работы. С педагогической точки зрения для развития тезиса о религии как формы дипломатии удачным представляется хорошо известный термин «двоемирие». Религиозный человек осознает свое присутствие в «двоемирии» в отличие от атеиста, которому внушили, что «мир един» и это «единство в материальности». В атеизме много незнания, много идеологии, много веры, много лжи. Позицию атеизма невозможно доказать, а позиция религиозности доказывается историей науки посредством факта «рецептурного знания» во всем многообразии истории наук, искусств и технологий.

Само по себе признание двуединства мира к религии как таковой отношения не имеет. Религия вычленяет из двуединства мира аспект общения, причем межличностного общения. В общении «тот» мир предстает в форме персонажей, у которых есть «я», есть личность, «эго», но нет тела. В «этом» мире, как известно, часто бывает наоборот. Говоря философским языком, «тот» мир исключительно субъектен. В нашем «этом» мире все объектно. Даже люди относятся друг к другу как к объектам, используют друг друга (что и пытался ограничить И. Кант своим «категорическим императивом»). Мы не склонны в здании, в роще или в мосте видеть субъект со своим молчаливым взглядом на нас; мы приписываем себе субъектность, а вещам объектность. В «том» мире любой кажущийся нам объектом является субъектом, и только субъектом. В «той» реальности быть и быть субъектом — это одно и то же. Если онтологию «той» реальности транспонировать в «эту» реальность, то придется говорить, что

Солнце, например, не только объект, но и субъект. «Солнце мое, взгляни на меня...» — пел В. Цой, а за ним поет сейчас едва ли не весь русский народ. В античной мифологии существовала процедура трансформации реальности под названием «метаморфоз», по-русски точнее сказать «заколдованность». Оба понятия восходят к древнеиндийскому понятию «аватара», означающему, что объект собственным субъектом принадлежит другому миру. Мы не знаем меры метаморфозности нашего мира, так что нельзя исключать идею того, что наша мать-Земля является субъектом под условным названием «Гея». Аналогично и Солнце в субъектом отношении есть не только объект определенного размера, массы, температуры, светимости, но и некий «Ра», «Аполлон», «Ярило». В санскритской терминологии Солнце и Земля есть некие аватары важных персон, ответственных за жизнь в пространстве их обитания. Так что, возможно, хватит смотреть на Солнце глазами физиков. Если субъектность нашего мира тоже имеет место и человечество научится ее понимать, то, возможно, и история общества примет более человеческий характер. Из европейских философов, пожалуй, только О. Шпенглер понимал, что методологию познания всего человечества надо менять: от систематики переходить к физиогномике. По Шпенглеру, и в нашем мире все имеет свое лицо: город, эпоха, мебель, жилье. Лицо города нельзя увидеть глазами, лицо эпохи нельзя увидеть исторически, но и то и другое можно выразить поэтически. Немецкий поэт-романтик Новалис про историю говорил так: чем поэтичнее выражена история, тем истиннее знание о ней.

Религиозное познание давно освоило «физиогномику» в понимании трансцендентной реальности. Не случайно все религиозные тексты, начиная от гимнов и заговоров и кончая евангелиями или Кораном, исключительно поэтичны. С другой стороны, поэтичность религиозных текстов является не следствием художественного языка, а следствием применения физиогномичной методологии познания. В нашей средней школе урок литературы примкнул к уроку родного языка, между тем как настоящая поэзия касается трансцендентной реальности и нашего отношения к ней. Поэзия как вид искусства и творчества рождается не из эротики и любви, не из лирики или эпоса, но из мольбы и отчаяния, из чаяния и призывания богов. Есть люди, чаяния которых удовлетворяются в такой тесной «ко-операции» («синергии») с богами, что они не успевают что-либо вымолить. Моцарт в письмах к отцу постоянно жаловался на то, что совершенно замечательные мелодии к нему приходят в таком количестве, что он не успевает их записывать. Наивно трактовать гениальность как степень талантливости или удачной физиологии. Гений — это всегда посол из одной половины двоемрия в другую. Так и Пифагор говорил о себе, что есть боги, есть люди, а есть такие, как Пифагор. Когда говорят о том, что женщина не человек, то истинный смысл этой фразы совершенно аналогичен высказыванию Пифагора о самом себе. Женщина как объект является человеком, но ее субъектность имеет касательство к природе богов, то есть любая женщина в силу отпущенной ей женственности есть аватара богинь. И чем поэтичнее мужчина, тем более он осознает божественность женщины, тем ближе он к истинному пониманию ее. На уроках литературы не следует замалчивать религиозность поэтических текстов, особенно в плане аватар мужчин и женщин: мужчины способны быть гениальными, а женщины божественными. М. Горький как-то высказался об Есенине: он не столько человек, сколько орган, созданный природой специально для поэзии. Даже для Горького, довольно далекого от религиозности, в Есенине ощущалось присутствие аватары. «Есенин... не человек», — в этом замечательно честном наблюдении Горького содержится много информации для философского анализа гуманизма, социальности, религиозности и творчества.

В философии религии, если идти не путем сравнительного религиоведения, а путем углубления в само понятие религии, важное место занимает проблема иерархии

богов. Возможно, что самое замечательное открытие человечества в области богопознания состоит в том, что все субъекты трансцендентной реальности (как бы они не назвались: боги, духи, демоны, бесы, ангелы и пр.) подчинены строгой иерархии. Говоря по-простому, у всех богов и божков есть свое начальство, так что все персонажи строго субординированы. Самое низкое звено, но и самое близкое человеку, представлено так называемыми домашними богами (это пенаты у римлян, домовые у славян). Более далекая иерархия представлена богами большой местности (лес, река, озеро, болото, горы, моря, океаны). Есть боги отдельных народов. Есть боги планет и звезд. В итоге вся иерархия богов восходит к далекому от человека верховному единоначалию. В монотеистических религиях предполагается, что народ установил сношения с верховным божеством, после чего всех низших богов можно игнорировать, можно ломать им памятники, а обломки топтать ногами. Любая монотеистичная религия превращается в атеизм по отношению ко всем нижестоящим богам. С другой стороны, монотеизм предполагает культ личности верховного бога, поддерживаемый социально организованной деспотией. Исчезают религиозная свобода и религиозное творчество по части поиска дружественных богов. Всякая монотеистичная религия превращается в идеологию, в апогее достигая пресловутой стадии «опиума народа». В этой своей функции религия не может не смыкаться с системой государственного управления. Смысловая деградация религии идет по извечной схеме: вероучение превращается в литературу, а культ в репертуарный театр. Когда церковные иерархи начинают совершать сексуальные преступления (а это происходит с неизбежностью), раздаются в адрес церкви угрозы очередного Вольтера: «Раздавите гадину!»

Вопрос о преподавании религии в образовательных учреждениях — вопрос не праздный. Замалчивать религию — значит бежать от реальности, но и преподавать «религию вообще» невозможно. Превращать религию в литературу или историю культа — значит сознательно искажать человеческую историю. Между тем фактов трансцендентального вмешательства в историю государств и народов, в биографию великих личностей предостаточно. То лед провалится под врагом, то морозы уничтожат армию завоевателей, — у военных историков масса материала на тему «в своем доме стены помогают». У специалистов, занятых в сфере образования, сложилась странная практика при рассмотрении религиозной проблематики: либо скоропалительный фанатизм неопитов, либо глумливый сарказм скептиков. Так, например, учительница литературы в одной из петербургских школ так сказала своим пятиклассникам: «Когда человек обращается к богу — это молитва, а когда бог обращается к человеку — это шизофрения».

Для того чтобы не путать религию с шизофренией, а у этой истории есть давняя традиция, надо порой обращаться хотя бы к классической философии. В философской онтологии реальность подразделяется на «имманентную» и «трансцендентную». Имманентная реальность дана человеку через его тело; реальность вне принципов телесной организации человека будет считаться, соответственно, трансцендентной. Все приборы, в том числе относящиеся к средствам научного познания, функционируют на принципах телесной организации человека (таковы, например, телескопы, микроскопы, синхрофазотроны, «камеры Вильсона»). Научные приборы служат необходимым звеном в отношениях человека с природой (имманентной реальностью), и без таких приборов (таких посредников) наука бессильна. В отношениях человека с трансцендентной реальностью тоже присутствуют посредники, которые в разных народных культурах и в разных конфессиях имеют особые названия. В шаманизме это «духи-помощники», у древних римлян «пенаты», в христианстве «ангелы» и «бесы». Религия — это не вера, а дипломатия с трансцендентной реальностью через посредников, с которыми возможно личное общение. Наука и религия различаются между

собой не верой и знанием, а типом посредников: в науке прибор — не личность, в религии посредник всегда личность («темная», «светлая» — неважно, но всегда некая личность, «персона»). В монографии С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» собран фольклорный материал о персонажах-посредниках в русской народной традиции. Русский народ, как следует из монографии, очень хорошо знал характер и повадки своих духов-посредников (большая часть из которых зловредна). Домовые и лешие, банники и овчинники, черти и кикиморы требовали к себе особого обхождения. Народная дипломатия с «неведомой силой» и составляет традиционную русскую религиозность, суть которой в том, чтобы «врага знать в лицо» и по возможности его не провоцировать, а «задабривать». Эти же качества русский народ проявлял по ходу расширения своих земель, «колонизации» по В. О. Ключевскому.

Религия как форма дипломатии (дипломатической работы, если угодно) с трансцендентной реальностью посредством особого рода посредников строится, безусловно, на системе знаний. Религиозное познание направлено не столько на саму трансцендентную реальность (она все-таки остается трансцендентной при любой степени посвященности), сколько на познание посредников, их специфики и их возможностей (их силе). Уместно напомнить, что такие понятия, как «сила», «энергия», а позднее и «синергия», имеют изначально религиозное содержание. Термин «энергия» от эн-эргон означает задействованность в действиях человека дополнительной «бодрости» (и «харизмы»), а термин «синергия», что на латыни звучит как «ко-операция», означает вообще совместное исполнение с участием трансцендентной реальности. Мы перестали слышать в пожелании удачи религиозное содержание, хотя в протестантизме оно звучит достаточно ясно. Религия начинается с того, что участие посредника в обыденной жизни фиксируется как факт, и этот факт обрастает данными наблюдений. Затем собранному файлу фактов присваивается имя, которое зачинает пантеон. Языковая процедура номинации в генезисе религии имеет важную роль, которую не следует тем не менее переоценивать. При настоящей, живой религии всегда имеет место переименование в связи с изменением дипломатических отношений с персонажами трансцендентной реальности. Сегодня дух с таким-то именем тебе друг, товарищ и брат, а завтра табачок врознь и поиски новых союзников, исходя из постоянных интересов. Все реально религиозные народы всегда меняли своих богов, нередко просто заимствуя готовую религию других, более успешных, народов. Древние греки оттеснили олимпийских богов мистическим культом египетского Диониса, а древние египтяне в результате постоянных нововведений довели свой пантеон до двух тысяч персон; ненамного от них отстали в Древней Индии, да и славяне сменили Перуна и Макошь на Христа и Богородицу. Менять религию, как показывает история культуры, — это не исключение, а норма настоящей духовной жизни. Как только боги перестают быть посредниками, они становятся только именами, очень часто насильно удерживаемыми социальными организациями в лице государства, церкви или секты. Под имя бога без реальной референции может подводиться культ с развитой инфраструктурой, в результате чего народ остается без реальной религиозности, но с видимой игрой в нее. Атеисты в таком случае, безусловно, правы в своих требованиях уничтожить «опиум народа». Когда от богов остается только имя, а культ разрастается до архитектурных масштабов, возникает феномен ложной духовности.

При ложной духовности всегда искажается генезис морали. Богословы приписывают человеку изначальную греховность и внеморальное существование, после чего выводят мораль из вероучения. Однако, как показывает история религий, нравственность богам вообще не присуща. И это понятно с философской точки зрения: бессмертные не нуждаются в морали. Необходимость морали вытекает из факта смертности человека: именно смертные (так греческие трагики именовали людей при разговоре

богов между собой) потребовали от своих посредников морального поведения. Из-за смертности человека древние греки ставили богов выше людей, А. Шопенгауэр обижался на «Мировую волю», и только Ф. Ницше увидел в факте смертности человека некое моральное предназначение: кто не умирает, тот и не живет. Человек смертен — именно поэтому появляются забота и ответственность за тех, кого любишь. За свои ошибки смертный человек платит своим телом (здоровьем). Мораль возникает как жизнь не в ущерб другим, что проговаривается в языке заповедями, сентенциями, пословицами и поговорками. Приписывание морали богам является верным признаком формирования культа под пустые имена давно известного пантеона.

Как ни странно, но истинная духовность начинается с требования морали не от других людей и даже не от себя, а с требования морали от тех посредников из трансцендентной реальности, которые благоволят именно тебе. То есть я прошу от своего ангела-хранителя благополучия себе, но требую, чтобы это было не в ущерб другим. Мое Я не приемлет поддержку негодными средствами, и оно не боится потерять к себе божественное расположение в противном случае. Если человек не ведает морали, то тем более далеки от нее его боги. Человек настолько человек, насколько он в себе, смертном, находит основание морали. А. Шопенгауэр, философ вселенского пессимизма, был не далек от истины, увязывая основания морали с понятием «сострадание». Бессмертные не знают смерти, без смерти нет сострадания, без сострадания нет морали. Не случайно в летописи христианства Христос должен был умереть как человек, чтобы иметь моральное право учить моральным заповедям. Первые две из христианских заповедей направлены на то, чтобы человек (смертный) не хотел жить «во что бы то ни стало» во имя себя, ибо в таком случае исчезает основание морали в нем самом. Сострадание как основание морали в самом человеке может сформироваться самыми различными путями: через религию, через боевой опыт («сам погибай, а товарища выручай»), через патриотизм, через любовь, через домашних животных, — наконец, через все, вместе взятое. Человек потому является источником морали, что он не бог (бог разумен и бессмертен) и не скотина (смертная и неразумная), а странное существо: разумное, но при этом смертное.

Сфера морали в философии религии интересна не столько проблемой происхождения морали, сколько тем фактом, что в этой сфере персонажи трансцендентной реальности проявляют себя наиболее ярко. Они провоцируют человека, руководят им, смеются над ним или проявляют свое благоволение. Чем более человек настаивает на своей моральности, тем большим испытаниям он подвергается благодаря разного рода «стечениям обстоятельств». Весьма примечательно, что с появлением монастырей (в Африке со второго века, в Европе с четвертого) христианство стало превращаться преимущественно в моральную религию. Идея пустынножительства связана изначально с возможностью «откровения» как метода религиозного познания (именно этому методу обязано множество боговдохновенных писаний), однако путь к «откровению» оказался прикрыт множеством плотских желаний. Методом преодоления плотских желаний оказалась аскеза, воздержание. Именно при упорном воздержании начинались провокации путем разного рода «советов», «подсказок», «черного юмора», «видений». Для начала разделили монастыри на мужские и женские. Провокации приняли еще более яркий характер. По мере накопления монастырского опыта провокаторам дали имена разного рода бесов. В пятом веке в христианстве появляется учение о «чинах ангельских», появляются уже привычные нам понятия ангелов и архангелов. С учетом бесов, ангелов, архангелов, сынов божиих, института святых христианство оказывается далеко не монотеистичной религией. Монотеизм христианства исключительно теоретичен и сводится к тому, что в конечном счете некий неведомый дух один и един; что же касается практического христианства, то утверждается

нечто иное: любой христианин окружен персонажами из трансцендентной реальности в виде ангелов и бесов, которые непрерывно утягивают его в разные стороны. Монастырское христианство в своей практике бесоборения перестает быть надуманно-книжным христианством и возвращается к истокам религиозности как таковой. В монастырском христианстве идея двоимирия становится такой же очевидной, как в любой другой религии, сколь бы «первобытной» она ни была.

Идея «двоимирия» (условно говоря, мир «тот» и «этот», «вверху» и «внизу»), которую в эпоху господствовавшего Просвещения пытались отстаивать такие философы, как Г. Гегель и Ф. Шеллинг, а также современные им поэты романтизма, является для любой религии обязательной и действительно соответствующей устройству «мира-для-нас». Напротив, идея материального единства мира, выдвинутая в канун эпохи Просвещения и так горячо отстаиваемая «вождями пролетариата», является ложной. Ложная идея, обремененная неверным пониманием природы, общества и мышления, не должна иметь места в сфере любого образования, от начального до высшего.

К сожалению, философии религии до сих пор в достаточно развернутом виде не существует. В философии есть и огульная критика религии (например, классики марксизма), и фанатичная апологетика ее, тем более в разрезе отдельных конфессий (например, философия Вл. Соловьева и отдельных представителей «русского зарубежья»), но компетентного углубления в вопрос совместного существования людей с субъектами из трансцендентной реальности, тем более понимания дипломатических отношений с такими соседями, так и не было выработано. Пожалуй, что кинематограф при мистической тематике на сегодняшний день оказывается впереди и философии, и образования — чем и подготавливает подрастающее поколение к более истинному мировоззрению. Другое дело, что учителя без должной философии религии слишком часто уподобляются в своем наигранном благолепии обычным кликушам или, напротив, объявляют религию шизофренией, фантазией, суеверием, не отдавая себе отчета в собственном невежестве.